

**ЖИТИЕ СВ. ПЕТРА ГОНСАЛЕСА, О.П,
ИМЕНУЕМОГО В ПРОСТОРЕЧИИ СРЕДИ МОРЯКОВ САН-ЭЛЬМО**

Эстебан Сампайо, О.П.

(Пер с лат. по Petrus Gonsalvez, a vulgo nautico dictus Sant-Elmo, Ordinis Prædicatorum, Tudæ in Galæcia (B.). Vita auctore Stephano Sampayo Ordinis Prædicatorum. // Acta Sanctorum, Aprilis, T. II pp. 391-398.)

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. ПЕРЕМЕНА В ЕГО МИРСКОЙ ЖИЗНИ И НАЧАЛО ИНОЧЕСКОЙ

[1] В год, как говорят, от Рождества Христова примерно 1190-й, когда Апостольский престол держал Целестин III, а скипетр Кастилии – Альфонсо из носящих это имя IX, в некоем городе, расположенном на границе нашей Португалии и провинции Таррагона и известном как Асторга, родился святой Пётр Гонсалес. Родители, доставшиеся сему блаженному отцу, равно и знатным происхождением блистали, и богатствами века сего изобиловали. Дядя ж его, в то время как святой вступил в отроческие лета, был Священным предстоятелем Асторги. Благодаря его опеке и многополезным наставлениям сей слуга Божий, коему предстояла необыкновенная участь, усвоил под руководством строгих наставников искусства, называемые свободными. Затем же, по прошествии краткого срока, ему при той самой епископской кафедре града Асторга посчастливилось получить место и сан каноника. Однако мир, улыбаясь, не позволял ему укрепить здесь стопу свою, довольствуясь достигнутыми доходами и почестями, но пытался возвести его на головокружительно высокие места, с помощью дозволительных, впрочем, средств. Поскольку же он изо дня в день являл всё более высокий пример литературного мастерства и ясный пример искренней добродетели, то был он выдвинут по указу Верховного понтифика на выдающуюся должность декана Асторганского.

[2] Был Пётр тогда в поре цветущей юности и станом статный и во всём остальном весьма пригожий. Когда же он, наконец, возгордился сими знаками чести, столь высокой должностью и саном, то не мог удержать в себе и скрыть свою неумеренную радость, но безрассудно и хвастливо позволял себе и вовне не только словами её выбалтывать, но и суетными поступками показывать. А поэтому, после того как он получил Апостольское письмо, утверждавшее его в звании декана, то, движимый неким юношеским тщеславием, наряду с прочими проявлениями кичливости своей души, он сел на прекраснейшего коня и пустился галопом на виду у всего города, ликуя и буйствуя. А впал в таковое надмение ума и недостаток разумения святой Пётр, как говорят, в праздник Рождества Искупителя нашего. Но оный Творец неба и земли, Который обитает в вышних и, восседая на высоком престоле, постоянно с величайшей благосклонностью обращает взоры Свои на сии низшие пределы и подробно рассматривает дела наши, по всемилостивому провидению Своему позволил выйти наружу сему безрассудному буйству надмившегося декана, дабы после последовавшего за тем неожиданного падения этот самый любитель тщеславия, придя в себя и взявшись за ум, презрел прелести сего суетного мира и, устремившись как бы ко священному прибежищу, благополучно прибыл в тихую гавань Ордена Братьев-проповедников.

[3] Ибо же случилось так, что когда он проехал через город, как уже было сказано, и с торжественной пышностью вступил в некое селение, где оказалось чрезвычайно много народу, то ради того, чтобы подивить прохожих или ещё по какой-то нелепой прихоти, а значит из бахвальства, стал на главной площади подгонять коня резкими ударами и нажатиями шпор. Но крайняя радость сменилась скорбью, и прежде чем Пётр победительно добрался до цели, он сверзился в какое-то грязное место, или, вернее, в свиную лужу и попал коню под копыта. И поэтому общее восхищение толпы зевак обратилось в насмешку, и простой народ, подняв криком клирика, стал освистывать его, осыпать насмешками и преследовать взрывами хохота. Когда же

тщеславный юноша, осознал, что подвергся поруганию и осмеянию черни, то в полном смущении, ничуть не в попытке даже скрыть собственного стыда и внутренней душевной боли, он разразился прилюдно такую речь, сказав: «Поскольку мир от лица чад своих так оскорбил меня, подвергнув осмеянию, да ещё в тот самый день, когда я себя вовсю ему посвящал, то я тоже посмеюсь над ним, лукавым, и отомщу ему, совершенно отринув. А чтобы он как-нибудь не обманул меня снова, я изменю жизнь к лучшему». Вот священная благодать Всемогущего Бога, с величайшей мудростью всегда сочетанная! Ибо Он умеет извлечь добро даже из зла и изволит [творить сие], о чём свидетельствует св. Августин в своих книгах «О граде Божиим».

[4] И вот, со времени того неожиданного падения, или низвержения, Пётр возненавидел лукавый мир со всеми его обманными утехами и, когда ему чудесным образом был возвращён разум, решил он посвятить себя самого и всё ему принадлежащее Богу всеблагому и величайшему. Поскольку же согласно многополезному совету св. Иеронима, [изложенному] в письме к Илиодору, тем, кто просвещён небесным лучом и намерен отречься от сего порочного мира, не подобает ни долго выжидать, ни откладывать решения, но должно, как если бы они застряли на скудном и опасном берегу гавани, когда ветер в парусах уже слабеет, не развязывать удерживающие их канаты, а скорее перерезать их – сей новый беглец к Богу, св. Пётр, не долго мешкал в душе с твёрдым постановлением относительно перемены своего положения в обществе (status). Напротив, промелькнул лишь краткий срок, а он, избрав ради Бога покончить с бременной и преходящею мирской жизнью, вступил ради Бога, приняв бремя послушания и бедности, в самый процветающий тогда в Испанских краях среди иночества Орден Братьев-Проповедников, к которому и прежде дух его по внутренней склонности сам по себе благоговейно влёкся.

[5] Итак, обратившись к Богу, Коего он в своем прежнем церковном, да притом наисвященном сане неким образом предал забвению, Пётр превратился в другого, в нового человека, [ибо] немедля, как усердная пчела, собирая [нектар с] цветов всяческих добродетелей, он старательно хранил его в улье сердца своего. Ибо не было недостатка в милостивой и могучей благодати Божией, укреплявшей во святом подвизании сего скромного новобранца (tirunculo), уже всемирно покорившегося святому послушанию (а ведь незадолго до того он представлял себя напыщенным всадником). Более того, казалось, что день ото дня дары благодати в нём всё приумножаются. А потому сей раб Божий, устремлённый ныне взором в вышние, прежде всего желая обрести перед Богом чистую и незапятнанную совесть, со всяческим усердием духа своего устремился к небесному деланию. И в той же иноческой обители, где, пройдя год так называемого искуса и дав обет соблюдения устава, он принял монашеское облачение, Пётр весьма успешно шествовал по пути возрастания внутреннего человека и люб был всем киновитам. А благоухание добродетелей его было так для всех ощутимо, что замечали его не только поблизости, но и в отдаленных местах. Ибо братья, которых он, ставши иноком, приобрел себе в Господе, чрезвычайно радуясь его святому подвизанию, никак не могли заставить себя молчать, а потому возвещали повсюду о небесной на земле жизни святого Петра.

[6] Однако впоследствии, когда раб Божий осознал, что орден, который он самым тщательным образом выбрал, был учреждён для спасения душ наших ближних, он позаботился в дополнение к усвоенным в миру свободным искусствам в иноческом состоянии оснастить свой разум навыком к священному богословию. И, занявшись с позволения начальства священными науками, он испытывал столько внутреннего ликования и радости, когда листал священные книги, черпая спасительные воды из небесного источника, что мог неоднократно проводить целые ночи без сна, предаваясь сему изучению священных наук. А чтобы его бдения и занятия могли доставить пользу ближним, чего он всецело жаждал, и чтобы достойно преподнести вдоволь сих целебных вод богословия христоролюбцам, он избранное из того, что читал, бережно сохранял в тайниках своего сердца. Также сей святой отец завёл обычай всегда иметь пред очами дивное подвижническое житие блаженного патриарх Доминика, его ревность о душах, презрение к миру, добровольное и глубокое смирение и неизреченное умерщвление плоти. Поэтому деятельный ревнитель веры, поборник частой молитвы, подобающе украшенный степенным нравом, для всех являлся образцом иноческой жизни. Также он настоятельно выпрашивал у Бога постоянными молениями, чтобы Тот соблаговолил уделить ему необходимый талант духа премудрости и добродетели, коим соделал бы его достойным служителем в сеянии слова Своего Евангелия. И не потерпел он долгого отказа в сем своём справедливейшем прошении, ибо же по прошествии краткого срока (пока он, оставаясь ещё смиренным послушником, усердно обучался и соблюдению иноческого устава, и священным наукам), начальство Ордена, решив, что по своим способностям, подкрепленным святыми навыками, он уже может небесплодно проповедовать слово Божие ближним и внимать тайным их исповедям, властью своей публично поручило св. Петру Гонсалесу исполнять обе эти обязанности.

[7] И вот, назначенный проповедником и исповедником, деятельный слуга Христов и любитель бедности, словом и примером ясно указуя всем путь небесный, плодотворно служил евангельскому учению. Если он когда-либо замечал, что кто-то нуждается в таинстве покаяния, то из духа любви к ближнему ни в коем случае не позволял себе не только покоя, но даже и роздыху до тех пор, пока, приняв исповедь и наложив спасительную епитимию, не призывал и не приводил такую овцу в стадо Господне. Видели, как он порой то вскакивает из-за трапезы, то отправляется в отдаленные места, чтобы не упустить случая принести пользу ближнему. Наконец, не жалея никаких усилий, как истинный сын самого патриарха Доминика, он преохотно предпочитал телесной своей жизни духовное благополучие ближних. Когда ему требовалось сходить в гости в какой-либо дом, то, как бы ни велико было гостеприимство какого-нибудь вельможи, он убедительно увещевал как хозяина дома, так и всех его близких приступить к таинству исповеди и принять спасительное противоядие епитимии, к чему самым ревностным образом побуждал их, приводя всё новые и новые примеры да образцы. Ведь он и в этом был истинным подражателем Первопроходца (Antesignani) нашего, о котором рассказывают, что он в разговоры с мирскими людьми при любом удобном случае обязательно подмешивал слова о предметах, относящихся к небесному отечеству. По этой же причине св. Пётр Гонсалес проповедовал наедине тем гостеприимцам, к которым захаживал, о вреде и опасности смертного греха для живущих, о вечном проклятии

нечестивых, о блаженном состоянии тех, кто воскресает через покаяние. Вследствие чего он едва ли когда-либо выходил из гостей, не приняв прежде у каждого из живущих в том доме исповеди и не отпустив их с поручением исполнить епитимию и исправить жизнь. И не дивно сие, хотя и достолавно, ведь слова его исходили от Духа Божия, и при содействии божественной благодати отнюдь не могли возвратиться тщетными (ср. Ис. 55:11).

ГЛАВА II. ИСКУШЕНИЯ, ПРЕОДОЛЁННЫЕ СВ. ПЕТРОМ, И СОТВОРЁННЫЕ ИМ ЧУДЕСА

[8] Когда же молва о святости человека Божия просияла почти по всей Испании, и, усилившись по мере распространения, наполнила также дворец Фердинанда Испанского, третьего с таким именем, оный король, руководствуясь небезосновательным убеждением в святости св. Петра Гонсалеса, пожелал иметь его подле себя. Различные войны мешали тогда сему католическому государю предпринять поход против сарацин; Испания была в основном всё ещё занята этими нечестивыми ненавистниками Христа, и король рассудил, что присутствие святого человека необходимо ему, чтобы, ведя войну против этих неверных, обрести помощь в молитвах св. Петра и здоровом его совете. Ведь благочестивый король, будучи католиком, верно рассудил, что в войнах христиане должны не только на колесницы или коней (ср. Пс. 19:8), или на различные виды оружия полагаться, но прежде всего на могущество Божие опираться, и немедля велел святому слуге Христову прийти. Ну а сколько благ принесло стану христианского воинства присутствие сего мужа апостольского, молитвы, пред Богом излитые, здравые советы, королю им подаваемые, и проповеди среди солдат, вполне показал благополучный и счастливый исход событий. Ибо же после его прибытия в стан, оный Фердинанд не только одержал славную победу над сарацинами, но и силою исторг из рук их город, называемый Севильей, [мало того, что] паче прочих процветающий, так ещё и являющийся несравненной столицей всей провинции Андалусия.

[9] Поскольку людям дурного нрава сие было отнюдь невдомёк, то случилось однажды, что кто-то из придворных вельмож вмешался в проповедь св. Петра Гонсалеса о жизни и святом подвизании, причём все, разделяя различные мнения, принялись заодно препираться относительно благих и дурных движений души – как это случалось и у Христа Господа с родом израильским. Ибо одним [его] умеренное житие, искреннее подвизание и апостольская ревность к обличению пороков казались достойными похвалы и уважения, а другие, в дурном расположении духа (ибо муж святой с евангельской вольностью обличал их непристойные нравы, а паче всего – распутство и необузданную похоть плоти), возражая, заявляли, что он дерзок, безрассуден и достоин поругания иными поносными словами.

[10] В то время как они вели между собою этот праздный спор, некая блудливая и распутная женщина, из тех, что Купидона ради следуют за Марсовым станом, находясь вблизи, подслушала их и, уразумев предмет и содержание разговора, перебила их речи так: «А какой подарок вы преподнесёте мне, коли я доведу оного монаха до того, что, охваченный страстью, он сам с превеликим удовольствием займётся тем самым, что в вас столь сильно презирает и с отвращением порицает?» Ничего не могло быть милее, желаннее, слаще для слуха сего собраньица, так сказать, «учёных», чем обещание падшей той женщины; и неумеренная радость

охватила их от надежды, что такой славный муж столь чтимый инок будет одолён Венериними обольщениями, из-за чего и их сквернейшие пороки, представ строгому суду, окажутся менее гнусными и проклятыми, и св. Пётр Гонсалес, совершив столь вопиющее прегрешение, понесёт как лицемерный инок неизгладимое пятно. И вот, в надежде на награду, сия дьявольская сеть (в которую попадались только самые мерзкие, самые отвратительные люди), собравшись с силами, подготовилась и настроилась всеми ухищрениями ума своего совращать сердце святого мужа.

[11] Вскоре после того злонамеренного сговора, улучив возможность подступить к нему с нечестивой целью, она выбрала подходящий час, когда св. Пётр, освободившись от дел и множества встреч с людьми, мог поговорить. Итак, подойдя в жилище к нему, то есть в шатёр, она сообщила ему через караульного, что ей нужно обговорить с ним наедине срочнейшее дело великой важности. Услышав это сообщение, он отнюдь не заподозрил подвоха, а рассчитывая, скорее, на нечто, что послужит славе Божией и спасению ближних, простодушно позволил ей войти. Она ж, вступив в покои святого мужа, тотчас же поддельно и притворно склонила колени, припала к его стопам и, обливаясь слезами, ревностными мольбами стала упрашивать его принять исповедь. К тому времени уже миновала большая часть дня, близился закат солнца, это неподходящее время не позволяло св. Петру беседовать с женщиной хоть на миг больше, а вынуждало его отпустить её, чтобы вернулась она на следующий день. Из-за чего, обратившись к ней, он молвил: «Вернись завтра, дочь моя, ведь сейчас, как видишь, дело к вечеру, а тогда я с радостью приму твою исповедь». Она ж ему: «Отче святой, славная добродетель твоя вполне ведома всюду, и я тоже с полной уверенностью знаю, что ты питаешь великое попечение о спасении душ и паче всего заботишься о вразумлении грешников – поэтому-то и осмелилась прийти сюда. Молю, немедля окажи мне помощь в крайней опасности! Бог свидетель, если ты не примешь исповедания грехов моих сегодня, если со мной нынче ночью случится что-нибудь ужасное, ты дашь перед Ним ответ за моё осуждение».

[12] Св. Пётр простодушно воспринял сии слова лживой змеи и, обеспокоенный ужасной ответственностью, которую не него возлагали, тут же удалился в некий закуток или уголок своего жилища, после чего, предложив ей, стоявшей на коленях, оградить себя крестным знамением перед исповедью, спросил её для начала о том роковом преступлении, что так страшно её тяготило. Неохотно взирает сатана и его служители на знамение крестное и не почитает его; так и она, ада достойная поборница дел его, даже не подумала, вопреки ожиданиям, повиноваться в этом святому мужу, равно как и не упомянула никакого греха, [как подобало бы тому, кто] охвачен стремлением к вечному спасению. Более того, желая возбудить пыл страсти, она внезапно обратилась к святому слуге Божию с такой дерзкой речью: «Брат мой Петр, ту смертельную рану, что мучает меня и паче всего терзает мне сердце, я не убоюсь открыть тебе. Знай, что страдаю я от пламенного желания усладиться тобою, и да будет тебе ведомо, что если ты не утолишь страсти моей, я жить более отнюдь не смогу». Сими и другими подобными словами, словно смазанный мёдом мечом, сия ядовитая дочь греха замыслила пронзить святого и искреннего слугу Божия св. Петра.

[13] Услышав неожиданные речи, он не мог надивиться столь небывалому нападению и наглому дерзновению падшей женщины, однако, вмиг просвещённый Духом Божиим, желая даже из ядовитых трав изготовить мёд и исторгнуть добычу из пасти льва, он ласковыми словами, совершенно чуждыми всяческого душевного негодования, попытался, [уповая на] некое чудо, наложить на смертельную рану целительное лекарство. «Дочь моя, — молвил он, — да не попустит, чтобы я неволью или волью стал причиною внезапной твоей смерти; не грусти, ибо ты немедля будешь избавлена от этого жизненного испытания; но сперва нужно немного подождать, пока я не расстелю подобающим образом постель, которая у меня пока в беспорядке.» Когда ж она отошла в другой конец дома, он, навалив большую кучу дров над тлеющим костром, разжёл немалое пламя. Затем, пригласив исполненную бесстыдства женщину подойти к костру, набросил собственный плащ на пламя и, как настелив постель, молвил так. «Коли ты так горячо жаждешь вкусить любви моей, как следует из слов твоих, то давай, приступим вместе и оба возляжем на этом огненном ложе, чтобы я удовлетворил твоё желание». Сказавши это, он расположился и прилёг в костре поверх накидки и, не испытывая никакого ущерба от огня и даже с невредимым плащом, ожидал там и подзывал [к себе] побудительницу блуда.

[14] При этом тайно присутствовали наблюдатели, а именно те придворные рыцари, что изначально были поборниками её дьявольского предложения, и внимательно следили сквозь какие-то дверные щели, к чему дело придёт и чем кончится. Когда же дошло до небесного оного знамения, когда огонь, переменяв естество, отказался палить близлежащее топливо, дурные оные кознодеи, своими собственными глазами узрев наяву эдакое чудо, сокрушённо разразились рыданиями и, растворив тотчас двери, пали ниц к стопам св. Петра Гонсалеса, признаваясь в зломыслии своём и смиренно прося у него прощения. Ну а та распутная женщина, увидев чудо, обратилась к Богу чрез покаяние и преобразилась из сосуда поношения во вместилище всяческого целомудрия; также и её сообщники в затеваемом искушении, проникнувшись страхом Божиим, отошли от лица человека Божия, получив прощение. После того, как был проделан этот опыт, св. Петра зауважали ещё больше, чем бывало прежде, а впоследствии они добились того, чтобы с ним обращались с должным почтением. В книге «Жития братьев» сказывается, что нечто подобное произошло со святым отцом бр. Домиником – тем, думается, что из [города] Куба, – который был основателем Сантаренского монастыря в Португалии, ибо он своей проповедью добился изгнания из королевского двора всех проституток и лицедеёв. См. в указанной книге часть 4, главу 4.

[15] Когда же оный преславный город Севилья был, как мы сказали, завоёван вышеупомянутым католическим королем, он при возвращении во дворец изволил, чтобы св. Пётр Гонсалес сопровождал его в путешествии. А когда они вместе прибыли во дворец, святой муж, желая верно вершить вверенное ему служение и следовать оному неуклонно, вырвался из толпы льстецов и прихлебателей (не говоря уж о других чудовищах этого рассадника суеты) и, попрощавшись с королём, направился в провинцию Компостелла, которую древние называли Галисией. В то время, по разным сообщениям, он трудился приором в Гимарайншском монастыре, что в междуречной провинции Португалии, но после того, как бы заново приступив к служению Богу, удвоенного набравшись пыла и духа, всецело предался проповеди

и, ежедневно радея об обращении грешников, исполнял евангельскую обязанность. Поскольку же мужчина он был статью видный, наружностью изящный, приятный в речах, а краса его добродетелей отображалась в красе телесной, то некая женщина, дотоле почтенная, в дом которой св. Пётр то и дело имел захаживал в гости, соблазненная и ослепленная дьяволом, воспылала к нему вожделением. Короче говоря, постаравшись, она изыскала и уллучила достаточно удобный случай для нечестивого дела, но по благодати Божией учуяв в ней злонамеренный замысел, он, вооружившись (как в прошлый раз), вещественным огнём, чудесным образом угасил пламень этого сатанинского огня и избежал его. Бесчестная женщина, видя это неожиданное чудо, обратила всех в изумление и умиление сердечное, как свидетельница святости святого Петра, не постеснялась созвать всех родных членов своего рода;

[16] Когда св. Пётр возвращался однажды с проповеди и весьма утомился в дороге, да и спутник его также устал, свернул он в дом одной женщины, чтобы утолить жажду. Но женщина, у которой он просил воды для питья, дала ему такого рода ответ: «Знай, отче мой, что в этом доме сейчас нет ничего из питья, что я могла бы предложить тебе, если только чуток вина, что осталось в малой бутылки, которую отдал мне на сохранение один священник, коему я служу кухаркой». Тогда св. Пётр молвил: «В силах Бог помочь служителям Своим: и винный напиток не иссякнет, и достопочтенный сей пресвитер не заметит умаления оногo». Женщина умилилась этим благочестивым словам и, возвысившись до великой уверенности, доверчиво и охотно поднесла человеку Божию и спутнику его ту толику вина, что хранилась в полупустом сосудце. Тогда св. Пётр утолил мучительную жажду, а с ним заодно и спутник его, без какого-либо страха осушить бутылку, и, раскланявшись с милостивой оной самаритянкой, оба удалились. Спустя недолгий срок возвратился вышеупомянутый пресвитер, и когда он, потребовав, получил винный сосуд, то заметил, что он тяжелее от вина, чем был в последний раз, и по причине крайней необычайности такового явления стал расспрашивать кухарку. Она же, опять взвесив и осмотрев бутылку, ясно уразумела, что свершилось чудо, и, возвысив голос, вся в изумлении, всенастоятельно просила, чтобы священник воздержался от употребления этого вина. Затем же, узнав чистую правду о происшествии, священник тотчас же поспешно пустился в путь вслед за св. Петром и, наконец догнав его, склонился перед ним до земли, усердно прося, чтобы он соблаговолил вернуться обратно к нему в дом, дабы вкусить полную трапезу. Святой отец отказался, поблагодарив его в выражениях столь же изящных, сколь и смиренных, и, веля благочестивому священнику возвратиться домой, призвал его воздавать славу одному лишь Богу, а сам тут же продолжил начатый путь.

[17] Несколько раз св. Пётр, проповедуя в том же краю Галисийском у реки Миньо, видел, как многие путники ежедневно искали брода в реке, поскольку более лёгкого способа перебраться у них не было, и многократно подвергали себя смертельной опасности, ибо река та была немалой глубины. Поэтому, испросив милостыню, он собрал некоторую сумму денег для этого дела и начал строить некий мост на берегу той реки. Говорят, случилось там в сие время много чудес, совершенных Богом, подобных тем, о которых мы говорили, повествуя о житии св. Гонсало Амарантского (пам. 10 янв.), когда он построил другой подобный мост. В частности, рассказывают о таком случае, что множество рыб сами принесли себя в дар св. Петру на берегу

реки ради строительства нового моста. Наконец, когда строительные работы были закончены и по мосту стало уже можно ходить, святой направился в город Туй, расположенный у той же реки, и неустанно проповедовал слово Божие жителям той местности. Усердно занявшись сим апостольским служением в этом краю, он позаботился о том, чтобы остаток жизни провести с великой пользой для душ.

[18] И вот, когда он, уже измождённый старостью, удалился в тот самый город Туй на покой, Богу, однако, постоянно внимая, божественное величие по его молитвам сотворило несколько достоивных знамений. В ту пору однажды, когда слуга Божий св. Пётр сел было за стол, чтобы вкусить трапезу, сообщили ему, что некоего почтенного мужа в дополнение к великой нужде его постигла тяжёлая болезнь в отдалённом месте. Посему святой, принуждаемый узами дружбы и милосердия, немедля встал из-за стола и отправился в путь, чтобы навестить больного. Когда же он миновал подножие некоей горы, один юный инок, его спутник, не столько страдавший от тяжелого труда, сколько понуждаемый голодом, вместе с ещё каким-то случайным попутчиком не убоился возроптать. «Сей брат Пётр, – молвил он, – уже в преклонных летах, а потому ест мало, и меня, крепкого юношу со вполне соответствующим естественной живости пищеварением, хочет ограничить такой же скудной и худой мерой пищи и таким образом, дурно кормя, довести до изнурения». Хотя св. Пётр шёл на отдалённом расстоянии от них, сей ропот его спутников не сокрылся от него благодаря откровению Божию. Остановившись, он дождался, пока юноша не приблизится, а затем обуздал сие злословие его следующим чудом. «Поднимись, – молвил он, – сын мой, коль проголодался, на хребет той ближайшей горы и там найдешь готовую снедь, так что и свой голод утолишь, и вдоволь сразу подкрепишься». Тот повиновался велению и направился туда вместе с другим ропотником. На некоем возвышеньице они нашли два белейших хлеба, возложенных на некоей скатерти, да бутылъ вина. Взявши всё с собою, они весело и поспешно тут же доставили [находку] святому мужу. А он, предложив обоим спутникам съесть сколько нужно досыта, остальное велел оставить на том же месте, где они наткнулись на это подкрепление (viaticum). И, вкусив тогда от оной еды, голодный брат и спутник его послушались предписания, но, немало дивясь сему событию, спросили святого из любопытства, откуда и кем доставлены были те хлебы в пустынное место? И, что вызвало у них даже большее удивление, кто унёс объедки трапезы, оставленные там? Ибо же по прошествии короткого времени, покинув хлеб и вино на скатерти в том месте, где прежде нашли их, они вышли на большую дорогу, но, охваченные как бы исследовательским любопытством, вернулись обратно и не нашли даже следа [еды]. «Довольно, – молвил святой, – того, что вы, изрядно поев и попив, отдали должное природе, ну а оставшееся забрал тот самый, кто прежде это принёс».

[19] Пребывая в том же приморском краю Галисии, этот слуга Божий однажды проповедовал в городе, называемом Байона или Вайона, при величайшем стечении народа. Тут внезапно поднялся шторм, и люди, стоявшие вокруг него, напуганные столь внезапной суровостью погоды, думали только о том, как им оттуда невредимыми уйти или убежать. Но св. Пётр, подозревая и прозревая, что они задумали, поддержал их ослабелые души сим увещанием: «Возлюбленнейшие

братья, не бойтесь, отложите, пожалуйста, страх! Ибо же оный Всемогущий Господь, Коему всё повинуется и покоряется, сию внезапную бурю, напугавшую нас, превратит, прежде чем она постигнет нас, тихую и ясную погоду». И ещё не окончил слуга Божий слово, как те грозные тучи и завихрения ветров, по небесному внушению миновав всю окружающую местность, обрушились с бешеной яростью на прочие пригородные окрестности [в таком отдалении], где присутствовавшие едва могли их видеть.

ГЛАВА III. СМЕРТЬ СВ. ПЕТРА И ЧУДЕСА, ЗА НЕЮ ПОСЛЕДОВАВШИЕ

[20] И вот, после того, как Всевышний подкрепил евангельскую проповедь св. Петра многими последующими знаменами (ср. Мк. 16:20), а он приблизился к старческим летам, в одно из воскресений Четыредесятницы, когда освящаются благословенные пальмовые ветви, взойдя на кафедру, он явно предрёк, что уже совсем близок день его и больше он не придёт сюда проповедовать, а ради того усердно и смиренно заклинал всех, чтобы, когда до слуха их дойдёт весть и молва о его близкой кончине, помогали они ему пред Богом своими молитвами. «Ибо хотя, – сказал он далее, – по благодати Божией сердце моё ни в чём меня не упрекает после того, как я отрёкся от мира, однако я не считаю, что совесть моя настолько чиста, чтобы не нуждаться в усердном заступничестве верных». И, попрощавшись со всеми, он удалился в ближайший город – Туй, где непрестанно проповедовал до конца оной святой недели, подражая Христу, Который даже перед самым концом земной жизни изволил часто посещать храм Соломонов, дабы проповедовать. И вот, заболев при приближении Пасхи некоей тяжкою хворью, он не смог вернуться в порученный ему монастырь в Компостеле, к чему имел превеликое желание. Впоследствии, однако, когда она хворь (как казалось) тяготила его поменьше и в некоторой степени пошла на убыль, он, как бы восстановив силы и набравшись духу, приготовился к путешествию, чтобы, если удастся, благополучно встретить смертный час среди своей братии в Компостельском монастыре. Но когда он с трудом едва добрался до городка, называемого по-простому Санта-Коломба, то из-за того, что болезнь его стала снова обостряться и час за часом усиливаться, он, не в силах двигаться дальше, сказал сотоварищу, что сопровождал его в пути: «Думается, брате мой, воля Божия в том, чтобы вернуться мне в город Туй, откуда мы выехали, чтобы умереть там; поэтому, пожалуйста, поспешим немедля туда.» И вот, вернувшись снова в тот город, он удалился в некую гостиницу, где прежде жил, ибо у ордена Братьев-проповедников тогда еще не было в Туе монастыря, который они вскоре обрели.

[21] И вот, когда смертельная болезнь его через несколько дней ещё сильнее обострилась, он велел позвать хозяина и обратился к нему с такими последними словами: Возлюбленный брате, знай, что Господь наш, памятуя о трудах моих, благоволит положить им конец. Однако я умолил Его пощадить этот край, на который недавно надвигалась многоликая лютая кара за прегрешения жителей. Кроме того, надеюсь, всемилостивый Отец светов вознаградит тебя за гостеприимство, которое ты всегда оказывал мне. Ну а пока, поскольку мне нечего больше предложить тебе, прими, молю, в знак благодарности хотя бы этот пояс, которым я доселе подпоясывался, ибо, чаю, когда-нибудь он принесёт тебе пользу». Милосердный хозяин с благоговением принял от святого мужа не очень дорогой по

человеческому мудрованию подарочек и, завернув его в чистое полотно, спрятал в подходящем месте, великую в душе питая надежду и веру обрести от него когда-нибудь блага. И не напрасна [была его] вера. Ибо же спустя небольшой срок, когда он тщетно пытался разрезать вышеупомянутый пояс надвое, чтобы некоему близкому другу уделить половину его (поскольку он казался, по крайней мере на вид, стоящей вещью), тот железный инструмент, которым он намеревался сделать надрез, вырвавшись из рук, нанёс ему легонькую царапину и отскочил. Сей благочестивый муж тотчас же уразумел, что случилось это с ним по особому велению Божию, а не случайно, словно неугодно было Богу разделение того подаренного пояса, который святой и равноапостольный отец уделил сему хозяину в знак любви и благодарности; и тот, проникнувшись благоговением, не только ремень этот в целости, но и посох, на который св. Пётр в жизни опирался при ходьбе, передал в дар настоятелю кафедрального собора, дабы там его достойно и с надлежащим почтением хранили.

[22] После этого св. Пётр, с приближением часа преставления своего, к которому он продолжительное время готовился, в святейший праздник Воскресения Господня, предал дух Творцу своему в год от Его воплощения 1240-й. Епископ Туйский отдал ему последний долг и совершил погребальную службу по нему. Ведь епископ при жизни испытывал к нему такое почтение, что пожелал быть похороненным подле могилы или гробницы его после того, как уйдет из мира живых, ибо он настолько уповал на заступничество святого, что пожелание своё даже повелел закрепить в завещании при свидетелях. И когда его последняя воля в итоге исполнилась, и тело его было погребено подле св. Петра, Бог (в чьём небесном чертоге звезда от звезды разствуует во славе (ср. 1 Кор. 15:41)) чудесно устроил непостижимое разделение их, отчего по прошествии некоторого времени гробницы обоих оказались явно дальше друг от друга, чем были поначалу.

[23] После исхождения его святейшей души из темницы тела изволил любвеобильный Бог наш показать своим верным невыразимые заслуги сего святого мужа многими чудесами. Ибо, говорят, из этой гробницы порой источался елей, подобно тому, что, как написано, ещё прежде истекал из гроба серафической оной девы, мученицы Екатерины, в каковом она была погребена ангелами на горе Синайской; а также из гробницы (mausoleo) св. Николая. В наглядное свидетельство истинности чего в той церкви доныне показывают еще некий стеклянный сосуд, в котором каноники, жившие в то время, хранили некую толику той чудодейственной жидкости. Однажды некий жестоковыйный муж, не веровавший в сие чудо, подойдя ко гробнице святого, усомнился в рассказах многих, прибавив что эдак его никто никогда не убедит (а именно в том, что из той каменной гробницы порой источался елей), если он сам прежде сего чуда собственными глазами не узрит и не ощутит. Не отступила благость Божия от сего маловера, как и от Фомы, усомнившегося в Его воскресении; и после того, как он с недоверчивостью произнес эти слова, вот, тотчас же на той гробнице выступил, подобно поту, елей, которым он собственноручно наполнил некий сосудец, и пред лицом множества присутствовавших там воспел «дивен Бог во святых Своих».

[24] В оной Туйской епархии была некая дама – знатная и добродетелями славная не менее, [чем происхождением], которая некогда принимала в гости св. Петра

Гонсалеса с не меньшим, казалось, благоговением, чем та вдова сарептская, что в древности давала приют пророку Елисею. И когда она однажды умоляла его, пока есть в нём ещё дыхание жизни (*aura aetherea fruenta*), оставить ей что-нибудь на память, дабы хранить сие как святыню, слуга Божий, улыбаясь, так ответил ей: «Настанет когда-нибудь время, и ты получишь от меня нечто на память, жив ли я буду или взят от живых». Когда же набожная женщина наверняка узнала о его преставлении, то не без скорби и печали вспомнила, что не получила обещанного дара, о котором просила его при жизни. Однако на следующую ночь св. Пётр Гонсалес, памятуя о своём обещании, явился ей во сне и сказал: «Не печалься, сестра возлюбленной, ибо хотя при жизни среди смертных я не удовлетворил твоей просьбы в том, о чём ты настоятельно молила меня, но завтра пойдёшь на мою гробницу, и там я тебе предоставлю обещанное». Благочестивая дама, не забыв о ночном откровении, на рассвете следующего дня послушно отправилась в кафедральный собор, где находилась гробница святого мужа, и после недолгих горячих молитв к нему, выражая благоговейное рвение, просунула руку через некое отверстие в одной гробнице и невзначай наткнулась на некий зуб от мощей св. Петра, который тотчас вынула и, обливаясь слезами, во славу Божию всем присутствовавшим поведала, как обстояло дело – и все надивиться сему не могли, расточая хвалы Богу. Ну а она сокровище, дарованное свыше, без чьих-либо возражений, отнесла к себе домой.

[25] Некий каноник, сомневавшийся, верить ли чудесам св. Петра, в разговоре с другими священниками о чудесах сих сказал: «Положим, я не могу отрицать (ибо сие было бы нечестиво), что он свят и царствует с Богом в небесах, но никак не заставляю себя поверить, что и правда свершается так много чудес, как ежедневно рассказывают у нас, поскольку с тех пор, как я поселился в этом городе, мне так и не удалось увидеть ни одного из них собственными глазами или узнать на опыте». Едва оный священник безрассудно произнёс сии слова, как вдруг в великую церковь вошли два человека, несущих парализованного мальчонку, с намерением посетить упомянутую гробницу св. Петра Туйского. И когда они приблизились к этому святому месту, то не успели даже дочитать молитвы, как этот парализованный малыш поднялся прям и здоров и у всех на виду начал весело расхаживать туда-сюда. И было чудо сие до того очевидным, что стоявшая там великая толпа, придя в изумление, тотчас же вознесла к небесам хвалебные клики. Сбежался народ туйский, прибежал и тот неверующий пресвитер, а когда как бы своими собственными руками прикоснулся к только что свершившемуся чуду, первоначальное сомнение сменилось у него благоговением, и, в неверии своем немало раскаинаясь, постановил в дальнейшем восхвалять дивного Бога во святом Его Петре.

[26] Некий моряк, взобравшись однажды на мачту корабля, от сильного порыва ветра сорвался с её вершины и упал в море. Однако, тотчас же вспомнив св. Петра Гонсалеса, благодатное заступничество которого изведали многие в Испанском море, стал призывать его на помощь, летя чрез воздух к волнам. И вот, слуга Божий, явившись ему в одежде брата-проповедника, молвил: «Я тут, сыне мой, ибо ты позвал меня; не бойся!» И, протянув ему руку, он возложил его на корабль, чем избавил от утопления.

Не будет неуместно вставить сюда и то, что я несколько дней назад обнаружил в некоем древнем манускрипте библиотеки Святого Виктора. Ибо там, наткнувшись на список святых нашего Ордена, просиявших чудесами, среди прочих я прочитал и упоминание о св. Петре Гонсалесе, следующим образом выраженное: «Блаженный Пётр Гонсалес, заступник в Испанском море, просиял чудесами». Из каких слов вполне ясно, что с давних и уже незапамятных времен св. Пётр частенько приходил на помощь бедствующим в океанских хлябях, и это не апокриф и никакой не вздор, как разглагольствуют безбожные мудрователи. Ибо мореплаватели, бывавшие в различных частях Океана, рассказывают и свидетельствуют, что чрезвычайно часто при наступлении шторма видали на верхушке мачты или поверх парусов св. Петра Гонсалеса, держащего в руке зажжённую зеленую свечу, и тотчас же после этого видения буря прекращалась, а море успокаивалось.

[27] У одной женщины в португальском городе Сантарен сын сломал и ушиб одну ногу, отчего тяжело хворал. Хирурги извлекли из неё аж восемнадцать крошечных косточек, однако и это не принесло ему исцеления. И вот, когда она услышала о чудесах сего святого мужа, то дала обет, вымаливая у него здоровье своего сына. И едва её молитвы достигли слуха его, он заступничеством своим пред Богом добился того, чтобы мальчик оный обрёл желанное здоровье.

[28] Также в книге, что называется «Жития братьев», (которая считается наиболее достоверной среди тех, до кого дошли сведения о её авторе), в пятой части гл. 9, где говорится о тех, кто просиял чудесами, я прочёл о св. Петре следующее. У одного человека, после того как он наткнулся на куст, в глазах остались два шипа, которые вошли так глубоко, что их никоим образом нельзя было ни вытащить, ни даже увидеть. Он призвал на помощь брата Петра Гонсалеса, и тотчас оба шипа сами собою выпали из глаз на колени ему, и он полностью исцелился.

Также [чудо свершилось и с некоей] женщиной, у которой на семь недель пропало молоко, из-за чего она передала ребёнка другой, чрезвычайно скорбя, поскольку была совсем бедна. Когда ж она, помолившись на могиле брата Петра, возвратилась домой, то обнаружила, что [грудь её] наполнилась молоком, каковым она и выкормила своего ребёнка.

Некие моряки, подвергшись опасности в море, призвали брата Петра Гонсалеса, который, немедленно явившись им, молвил: «Я тут» и, укрепляя, избавил их из бурных волн и привёл в гавань.

Некая женщина, переплывая глубокую реку в утлой лодочке и с маленьким ребёнком на руках, вздрогнула от страха и упала. Пять раз погружалась она в глубину, но и сама упавшая, и муж её, стоявший на берегу, призывали св. Петра, и спаслась она с малышом своим от опасности той.

Некий присяжный свидетель рассказал, что, когда он шесть месяцев страдал от лихорадки и весьма опух, так что едва мог ходить с посохом, явился ему брат Пётр явился и сказал: «Приди на могилу мою и исцелишься». Он пришёл и исцелился.

Сии [истории], начертанные в том же стиле, содержатся в вышеназванной книге и вместе с преждеупомянутыми [чудесами], не сомневаюсь, могут быть с должным

благоговением рассмотрены по-голубиному простым взором благочестивого читателя на похвалу Божию. Ему слава и честь вовеки! Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ